

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации
(<http://www.srji.org/resources/search/113/>) Разрешение на публикацию перевода было дано
исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “САГАЕВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба № 4573/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

26 февраля 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

14 сентября 2009 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Сагаев и другие против России”
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем в составе:

Кристос Розакис, *Президент*,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штейнер,
Дин Шпильман,
Сверре Эрик Йебенс,
Георгий Николаи,
Джорджио Малинверни, *судьи*,
и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 5 февраля 2008 года за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в последний
вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№.4573/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») десятью гражданами Российской Федерации, указанными ниже («заявители») 21 января 2004 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации было представлено г-жой В. Милинчук, бывшим представителем Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 26 марта 2007 года Суд принял решение в соответствии с Правилom 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке и об уведомлении Правительства о жалобе. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции Суд принял решение о рассмотрении жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости.

4. 5 февраля 2009 года Суд отклонил возражение Правительства относительно применения Статьи 29 § 3 Конвенции.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители:

1. Имран Усманович Сагаев (1933 года рождения)
2. Деши Абухаджиевна Сагаева (1940 года рождения)
3. Иса Имранович Сагаев (1958 года рождения)

4. Рая Зайндиевна Сагаева (1966 года рождения)
5. Диана Исаевна Сагаева (1989 года рождения)
6. Эльза Исаевна Сагаева (1995 года рождения)
7. Селита Возукаева (1980 года рождения)
8. Хусейн Имранович Сагаев (1971 года рождения)
9. Петимат Абдулвахабовна Сагаева (1971 года рождения)
10. Айзан Имрановна Сагаева (1968 года рождения)

6. Заявители — граждане Российской Федерации и проживают в селе Урус-Мартан, в Чечне.

7. Первый и второй заявители - супруги и родители третьего заявителя и его брата, Ильяса Имрановича Сагаева, 1972 года рождения. Седьмой заявитель – жена Ильяса Имрановича Сагаева. Третий заявитель женат на четвертом заявителе, и они имеют троих детей: пятого и шестого заявителя и Юнади Исаевича Сагаева, родившегося в 1968 году. Восьмой и девятый заявители являются братом и невесткой Ильяса Имрановича Сагаева. Восьмой заявитель также дядя Юнади Исаевича Сагаева. Десятый заявитель – сестра Ильяса Имрановича Сагаева и тетя Юнади Исаевича Сагаева.

А. Задержание и последующее исчезновение Ильяса Сагаева

1. Позиция заявителей

8. Восемь членов семьи Сагаевых проживали в домовладении в г.Урус-Мартан, по улице А.Шерипова, дом 72. Домовладение состоит из 3 домов и одного внутреннего двора. Первый, второй и третий заявители проживали в первом доме. Ильяс Сагаев и седьмой заявитель жили во втором доме. Восьмой и девятый заявитель жили в третьем доме. Саният, чье постоянное место жительства находится в городе Грозный, также временно проживала в доме 72 по улице Шерипова.

9. В 5 часов утра 30 августа 2002 года группа, состоящая приблизительно из 10-12 человек одетых в камуфляжную форму одежды и с масками на лицах, ворвалась на территорию семейного домовладения. Мужчины выбили первую дверь в доме, в котором проживали первый и восьмой заявитель. После этого они прошли в дом Ильяса Сагаева, выломали дверь и задержали его. Вооруженные люди вывели его на улицу, и повели к своим автомобилям, которые они, очевидно, припарковали вверх по улице, недалеко от дома. Заявители слышали звук бронетранспортеров (БТР), которые стояли недалеко от дома. Заявители убеждены в том, что ворвавшиеся были русскими солдатами, так как они говорили по-русски без акцента, и, кроме того, действовавший в городе комендантский час не позволял кому-либо еще находиться на улице в ночное время.

10. Показания о случившемся написали первый, второй, седьмой, восьмой, девятый и десятый заявители. Их сосед К. подтвердил в письменных показаниях, что около 5 утра 30 августа 2002 года он слышал, что БТРы припарковались недалеко от их дома по улице Шерипова. Он слышал, что машины остановились недалеко от его дома перед тем как приглушили мотор. Он слышал, что машины вновь двинулись примерно через 15 минут и уехали. Соседка Д. подтвердил в письменных показаниях,

что около 5 часов утра 30 августа 2002 года она слышала, как БТР припарковался недалеко от ее дома и как люди говорили на русском языке.

2. Позиция Правительства

11. Правительство утверждало, что в ходе расследования по уголовному делу №61121 было установлено, как около 5 часов утра 30 августа 2002 года неопознанные лица в камуфлированной форме и масках похитили Ильяса Сагаева из дома №72 по улице Шерипова, г. Урус-Мартан.

В. Поиски Ильяса Сагаева и расследование

12. Утром 30 августа 2020 года первый заявитель пошел в военную комендатуру Урус-Мартановского р-на, в прокуратуру, в районную милицию и в Администрацию Урус-Мартановского р-на и написал письменные заявления о произошедшем ночью. Его допросил следователь Р.Ю., который позднее в прокуратуре допросил также второго, седьмого, восьмого и десятого заявителей. Когда первый заявитель встретил Главу Администрации района, тот позднее сказал ему, что он не может влиять на то, что находится в ведении военной комендатуры.

13. Тремя днями позже первый заявитель обратился к военному коменданту Урус-Мартановского района. Как сообщает заявитель, комендант его выслушал, принял письменное заявление вышел из комнаты, не говоря ни слова и не обещая провести расследование происшедшего.

14. В течение последующих недель Заявители посетили ряд тюрем, находящихся в Чечне, включая и те, что расположены в Чернокозово, Ханкале, а также в отделе по борьбе с организованной преступностью в г. Грозном. Однако, несмотря на это, им не удалось получить какой-либо информации о судьбе своего родственника. Они также безуспешно пытались найти посредников, которые бы помогли им в поисках Ильяса Сагаева.

15. 10 сентября 2002 года в прокуратуре Урус-Мартановского р-на было возбуждено уголовное дело №61121 по факту похищения Ильяса Сагаева.

16. Заявители обратились с многочисленными письменными жалобами к различным органам власти, копии этих документов были представлены Суду. В частности, 18 октября 2002 года первый заявитель подал письменное обращение к военному коменданту, в прокуратуру и в ФСБ Урус-Мартановского района, а также к главе Урус-Мартановского РОВД с просьбой о помощи в установлении местонахождения Ильяса Сагаева и его освобождении. Обращения заявителей на имя Генерального прокурора РФ и прокурору Чеченской республики были перенаправлены в прокуратуру Урус-Мартановского района. Обращения заявителей на имя Военного прокурора ОГВ(с) были перенаправлены в прокуратуру войсковой части №20102. Обращения заявителей на имя Министра Внутренних дел были перенаправлены в РОВД Урус-Мартановского района.

17. 2 ноября 2002 года прокуратура Урус-Мартановского района признала первого заявителя потерпевшим по делу. Согласно Правительству,

он было допрошен в этот же день. Первый заявитель был уведомлен о получении статуса потерпевшего 21 ноября 2002 года.

18. 10 ноября 2002 года предварительное следствие по уголовному делу №61121 по факту похищения Ильяса Сагаева было приостановлено. В постановлении о приостановлении уголовного дела говорится о том, что «все возможные меры были приняты, но личности причастных к похищению не установлены, и срок предварительного следствия истек». В постановлении не уточняется, какие именно следственные мероприятия были проведены.

19. 31 марта 2003 года прокуратура Урус-Мартановского района информировала первого заявителя о том, что его письмо было приобщено к материалам уголовного дела, и, что прокуратурой предпринимаются меры для установления виновных в совершении преступления.

20. 3 апреля 2003 года из Управления Министерства Внутренних Дел Российской Федерации по Южному Кавказу пришло письмо, информирующее заявителей о том, что расследование уголовного дела по похищению было возобновлено без указания точной даты, и что Министерством Внутренних Дел совместно с прокуратурой предпринимаются дополнительные меры для установления местонахождения его сына и виновных в совершении преступления.

21. 18 апреля 2003 года представители заявителей, организация SRJI, написала в прокуратуру Урус-Мартановского района запрос о предоставлении информации о статусе предварительного следствия по уголовному делу и сообщении имени следователя, а также о предоставлении копий постановлений о возбуждении уголовного дела и его приостановлении, а также о предоставлении копии постановления о признании в качестве потерпевших.

22. 30 апреля 2003 года прокуратура Урус-Мартановского района информировала SRJI о том, что, на настоящий момент предварительное следствие по уголовному делу №61121 приостановлено, так как следствием были предприняты все возможные меры, однако, несмотря на это, виновные в совершении преступления не были установлены, местонахождение Ильяса Сагаева также не установлено. В письме также было указано, что Р.Ю. является следователем по данному делу, а также то, что копии постановлений о возбуждении уголовного дела, его приостановлении и о признании в качестве потерпевших родственника похищенного, были отправлены первому заявителю.

23. 16 мая 2003 года военная прокуратура войсковой части №20102 информировала первого заявителя о том, что его письмо было рассмотрено. Однако при этом прокуратурой не было выявлено никаких доказательств причастности военнослужащих российских федеральных войск к похищению Ильяса Сагаева.

24. 11 июня SRJI написала в прокуратуру Урус-Мартановского района запрос о предоставлении первому заявителю информации о статусе предварительного следствия по уголовному делу № 61121 и о предоставлении копий решений, принятых по уголовному делу.

25. 9 июля 2003 года прокуратура Чеченской Республики потребовала от прокуратуры Урус-Мартановского района подробную информацию о результатах расследования уголовного дела, включая оценку обоснованности возможного решения о приостановлении предварительного следствия. Никакой информации заявители так и не получили.

26. 1 августа 2003 года прокуратура Урус-Мартановского района отметила постановление от 10 ноября 2002 года о приостановлении расследования и возобновила следствие. Первый заявитель был должным образом уведомлен об этом решении.

27. 1 сентября 2003 года расследование было вновь приостановлено в связи с не установлением личностей преступников. Первый заявитель получил уведомление об этом.

28. 12 октября 2003 года Государственная Комиссия по расследованию нарушений прав и свобод человека на Северном Кавказе информировала первого заявителя о том, что его письмо было направлено для рассмотрения в военную комендатуру Южного Административного Округа. В соответствии с письмом, военная прокуратура в/ч 20102 возбудила уголовное дело и передала его для проведения расследования в прокуратуру Урус-Мартановского района.

29. 20 октября 2003 года Управление ФС проинформировало первого заявителя о том, что не задерживало Ильяса Сагаева, так как для этого не было предусмотренных законом оснований, и что он не подозревается в совершении какого-либо преступления. В письме также утверждалось, что Управление ФСБ примет все необходимые меры для установления личностей, причастных к задержанию Ильяса Сагаева и установлению его местонахождения.

30. 14 января 2004 года SRJI обратилась в прокуратуру Урус-Мартановского района с просьбой предоставить заявителям доступ к материалам уголовного дела, чтобы у них появилась возможность обжаловать решение о приостановлении расследования. Хотя имеется подтверждение о получении письма прокурором, ни заявители ни SRJI не получили от него ответ.

31. 1 февраля 2004 года прокуратура Урус-Мартановского района отметила постановление от 1 сентября 2003 года и возобновила следствие. Первый заявитель был должным образом уведомлен об этом решении.

32. 1 марта 2004 года расследование было вновь приостановлено в связи с не установлением личностей преступников. Первый заявитель получил уведомление об этом.

33. 7 апреля 2004 года из РОВД Урус-Мартановского района отправлено письмо первому заявителю с информацией о том, что его запросы о местонахождении его сына были направлены органами следствия в Главное Управление Министерства Юстиции Российской Федерации по Исправительным Работам в Республике Чечне, в другие регионы Северного Кавказа и в Главный Информационный Центр МВД РФ в г. Москве. Ориентировка с данными Ильяса Сагаева была отправлена во все отделения милиции Чеченской Республики, а также во все правоохранительные структуры Урус-Мартановского района. Хотя сотрудник РОВД С. не

получил никакого положительного ответа на свои запросы или ориентировки.

34. 1 сентября 2004 года С., представитель Управления МВД ЧР по Урус-Мартановскому району, направил в адрес первого заявителя письмо с сообщением, что запросы относительно местонахождения его сына были направлены в отделения МВД ЧР и других республик Северного Кавказа и Главный информационный центр МВД в Москве. Однако положительных ответов на запросы получено не было.

35. 21 марта 2005 года прокуратура ЧР отметила постановление от 1 марта 2004 года и возобновила следствие. В постановлении среди прочего говорилось, что в ходе расследования необходимо проверить версию первого заявителя о похищении его сына военнослужащими комендатуры Урус-Мартановского района и отделения ФСБ Урус-Мартановского района. Прокуратуре Урус-Мартановского района было поручено предпринять необходимые следственные действия. Первый заявитель был должным образом уведомлен об этом решении.

36. 23 апреля 2005 года прокуратура Урус-Мартановского района приостановила расследование на основании того, что все необходимые проведенные следственные мероприятия не позволили установить причастных к преступлению. В постановлении не говорилось, какие именно мероприятия были предприняты.

37. 6 июня 2005 года прокуратура Урус-Мартановского района возобновила следствие для проведения дополнительных мероприятий. Первый заявитель был уведомлен об этом решении.

38. После этого расследование вновь было приостановлено 6 июля 2005 года, возобновлено 18 августа 2005 года, приостановлено 10 сентября 2005 года и вновь возобновлено 24 мая 2007 года. Согласно Правительству, расследование по делу продолжается.

39. Заявители не получали никакой информации относительно стадии проведения расследования. Они утверждают, что органы власти не провели досмотр места происшествия, не допороли соседей, которые были свидетелями задержания. Несмотря на многочисленные запросы, заявители не получали никакой информации о том, какие именно следственные мероприятия были проведены. Согласно Правительству, в неуказанную дату был проведен досмотр места происшествия в доме Сагаевых по улице Шерипова. Никакие доказательства преступления не были обнаружены.

С. Задержание и последующее исчезновение Юнади Сагаева

1. Позиция заявителей

40. Третий заявитель проживал вместе со своей семьей по адресу с.Урус-Мартан, ул. Авиационная, дом 37. Его сын Юнади Сагаев, 1986 года рождения, также проживал по этому адресу. 13 сентября 2020 года около 2 часов ночи, примерно 6 вооруженных людей в масках подошли к дому третьего заявителя пешком, по всей видимости, оставили свои машины за углом. Семья спала, когда указанные вооруженные лица перелезли через забор, стоявший вокруг двора, и после этого выломали дверь в доме. Шесть

человек из группы вошли в дом, они не представились. Даже когда семья прямо попросила объяснить, кто они, пришедшие отказались показать удостоверения. Пятеро из них пошли в комнату, в которой спали третий заявитель и Юнади Сагаев; а шестой пошел в комнату, в которой спали четвертый, пятый и шестой заявители. Мужчины поставили третьего заявителя и Юнади Сагаевых к стене, в то время как четвертый заявитель пошла в другую комнату для того, чтобы принести документы, удостоверяющие их личность и показать их пришедшим. Солдаты взяли паспорт Юнади Сагаева, и вывели его наружу. Он был одет в черный спортивный костюм с бело-красной отделкой, красную футболку с белыми полосками. На ногах у него были тапочки. Перед уходом, военнослужащие связались со своими транспортными средствами по радио и сказали четвертому заявителю, что они позднее освободят ее сына. Когда солдаты уходили, они разбили фонари, расположенные снаружи дома. Заявители уверены в том, что указанные вооруженные лица были солдатами российских федеральных войск, так как они говорили по-русски без акцента.

41. Третий, четвертый и пятый заявители были свидетелями похищения и дали письменные показания.

2. Позиция Правительства

42. Правительство утверждало, что в ходе расследования по уголовному делу №61126 было установлено, что около 2.30 13 сентября 2002 года неопознанные вооруженные люди в камуфлированной форме и масках похитили Юнади Сагаева из дома №37 по улице Авиационная в Урус-Мартане.

D. Поиски Юнади Сагаева и расследование

43. Утром 13 сентября 2002 года четвертый заявитель обратился к военному коменданту Урус-Мартана, в районную прокуратуру, в местное отделение милиции и в Урус-Мартановскую местную администрацию с заявлением о задержании его сына. Они пообещали помочь установить тех, кто задержал его сына прошлой ночью.

44. Заявители отправили множество писем в различные органы власти, копии которых были представлены Суду. Письма заявителей в адрес Генерального прокурора РФ и прокурора Чеченской Республики были переадресованы в прокуратуру Урус-Мартановского района. Письма в военную прокуратуру ОГВ(с) были переадресованы в военную прокуратуру войсковой части №20102. Письма в Министерство внутренних дел были переадресованы в Отдел внутренних дел Урус-Мартановского района.

45. 21 сентября 2002 года в прокуратуре Урус-Мартановского района было возбуждено уголовное дело №61126 по факту исчезновения Юнади Сагаева.

46. 3 октября 2002 года прокуратура Урус-Мартановского района вынесла постановление о признании потерпевшим четвертого заявителя.

47. Следователь прокуратуры допросил третьего и четвертого заявителей, а также соседей как свидетелей по делу. Точная дата допроса не установлена.

48. 21 ноября 2002 года прокуратура Урус-Мартановского района приостановила следствие по уголовному делу о похищении Юнади Сагаева. В решении о приостановлении следствия говорится, что «все возможные меры были приняты, [хотя] личности причастных к похищению не установлены, и срок предварительного следствия истек». В постановлении не уточняется, какие именно следственные мероприятия были проведены. Заявители были проинформированы о решении письмом от 14 декабря 2002 года.

49. 18 апреля 2003 года представители заявителей, организация SRJI, написала в прокуратуру Урус-Мартановского района запрос о предоставлении информации о статусе предварительного следствия по уголовному делу и сообщении имени следователя, а также о предоставлении копий постановлений о возбуждении уголовного дела и его приостановлении, а также о предоставлении копии постановления о признании в качестве потерпевших.

50. 30 апреля 2003 года прокуратура Урус-Мартановского района информировала SRJI о том, что, на настоящий момент предварительное следствие по уголовному делу №61126 приостановлено, так как следствием были предприняты все возможные меры, однако, несмотря на это, виновные в совершении преступления не были установлены, местонахождение Юнади Сагаева также не установлено. В письме также было указано, что Р.Ю. является следователем по данному делу, а также то, что копии постановлений о возбуждении уголовного дела, его приостановлении и о признании в качестве потерпевших родственника похищенного, были отправлены четвертому заявителю.

51. 11 июня SRJI написала в прокуратуру Урус-Мартановского района запрос о предоставлении первому заявителю информации о статусе предварительного следствия по уголовному делу № 61126 и о предоставлении копий решений, принятых по уголовному делу.

52. 24 июня 2003 года военная прокуратура войсковой части №20102 информировала третьего заявителя о том, что его письмо было рассмотрено. Однако при этом прокуратурой не было выявлено никаких доказательств причастности военнослужащих российских федеральных войск к похищению Юнади Сагаева.

53. 9 июля 2003 года прокуратура Чеченской Республики потребовала от прокуратуры Урус-Мартановского района подробную информацию о результатах расследования уголовного дела, включая оценку обоснованности возможного решения о приостановлении предварительного следствия. Никакой информации заявители так и не получили.

54. 1 августа 2003 года прокуратура Урус-Мартановского района отметила постановление от 10 ноября 2002 года о приостановлении расследования и возобновила следствие.

55. 1 сентября 2003 года расследование было вновь приостановлено в связи с не установлением личностей преступников. Четвертый заявитель получил уведомление об этом.

56. 11 октября 2003 года Государственная Комиссия по расследованию нарушений прав и свобод человека на Северном Кавказе информировала первого заявителя о том, что его письмо было направлено для рассмотрения в военную комендатуру Южного Административного Округа. В соответствии с письмом, военная прокуратура в/ч 20102 возбудила уголовное дело по факту похищения Юнади Сагаева и передала его для проведения расследования в прокуратуру Урус-Мартановского района.

57. 20 октября 2003 года Управления Федеральной Службы Безопасности РФ проинформировало первого заявителя о том, что Управление ФСБ не задерживало Юнади Сагаева, так как для этого не было предусмотренных законом оснований, и что он не подозревается в совершении какого-либо преступления.

58. 14 января 2004 года SRJI обратилась в прокуратуру Урус-Мартановского района с просьбой предоставить Заявителям доступ к материалам уголовного дела для того, чтобы у них появилась возможность обжаловать решение о приостановлении расследования. Хотя прокурор подтвердил получение письма 30 января 2004 года, ни заявители ни SRJI не получили от него ответ.

59. 1 февраля 2004 года прокуратура Урус-Мартановского района отметила постановление от 1 сентября 2003 года и возобновила следствие. Четвертый заявитель был должным образом уведомлен об этом решении.

60. 1 марта 2004 года расследование было вновь приостановлено в связи с не установлением личностей преступников. Четвертый заявитель получил уведомление об этом.

61. 1 сентября 2004 года из прокуратуры Урус-Мартановского района направили в адрес четвертого заявителя письмо с сообщением, что распоряжения о проведении следственных мероприятий были направлены в прокуратуры различных районов ЧР. Однако положительных ответов на запросы получено не было.

62. 21 марта 2005 года прокуратура ЧР отметила постановление от 1 марта 2004 года и возобновила следствие. В постановлении среди прочего говорилось, что в ходе расследования необходимо проверить версию первого заявителя о похищении его сына военнослужащими комендатуры Урус-Мартановского района и отделения ФСБ Урус-Мартановского района. Прокуратуре Урус-Мартановского района было поручено предпринять необходимые следственные действия. Четвертый заявитель был должным образом уведомлен об этом решении.

63. 23 апреля 2005 года прокуратура Урус-Мартановского района приостановила расследование на основании того, что все необходимые проведенные следственные мероприятия не позволили установить причастных к преступлению. В постановлении не говорилось, какие именно мероприятия были предприняты.

64. После этого расследование было возобновлено 6 июня 2005 года, вновь приостановлено 6 июля 2005 года, возобновлено 18 августа 2005 года, приостановлено 10 сентября 2005 года и вновь возобновлено 24 мая 2007 года. Согласно Правительству, расследование по делу продолжается.

65. Заявители утверждали, что органы власти не провели досмотр места происшествия. Согласно Правительству, в неуказанную дату был проведен досмотр места происшествия в доме Сагаевых по улице Авиационная. Никакие доказательства преступления не были обнаружены.

66. Заявители сообщили, что несмотря на многочисленные запросы, они не получали никакой информации относительно проводимых следственных мероприятий.

Е. Судебный процесс относительно бездействия следственных органов

1. Жалобы первого заявителя

67. 24 июня 2005 года первый заявитель подал жалобу в городской суд Урус-Мартана на бездействие следственных органов и на отказ предоставить ему доступ к материалам уголовных дел №61121 и 61126. В жалобе он утверждал, что Ильяс и Юнади Сагаевы были похищены военнослужащими, которые прибыли на БТРах.

68. 1 августа 2005 года городской суд Урус-Мартана частично удовлетворил жалобы относительно расследования уголовного дела №61121, но и частично отклонил жалобы относительно расследования уголовного дела №61126.

69. Что касается уголовного дела №61121, которое касалось похищения Ильяса Сагаева, то суд признал, в частности:

«Решение должностных лиц прокуратуры Урус-Мартановского района об отказе первому заявителю в ознакомлении с материалами уголовного дела №61121 не соответствует положениям Конституции и подлежит отмене.

Из материалов уголовного дела №61121... видно, что 30 августа 2005 года в 5 часов утра неустановленные лица в военной форме в масках ворвались в дом к Сагаевым... и забрали с собой Сагаева Ильяса Имрановича.

В ходе расследования данного уголовного дела были проведены следственные действия, направленные на раскрытие преступления и установление виновных лиц. Так, по делу были допрошены второй, седьмой, восьмой заявители и г-н. К. Направлены поручения о производстве отдельных следственных действий. По данным УФСБ по Урус-Мартановскому району ЧР Сагаев И.И. ими не задерживался и в отдел не доставлялся. Аналогичные ответы получены о военного коменданта Урус-Мартановского района ЧР, военного руководства в/ч 6779, ОРБ СКОУ МВД в ЮФО, районных прокуратур и ОВД ЧР.

2 ноября 2002 года первый заявитель был признан потерпевшим...

В ходе расследования лиц, похитивших Сагаева И.И., а также его местонахождение отыскать не представилось возможным, в связи с чем производство предварительного следствия по данному уголовному делу неоднократно приостанавливалось за отсутствием лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и возобновлялось вновь. Последний раз производство предварительного следствия по данному делу приостановлено 6 июля 2005 года.

Вместе с тем, из материалов дела видно, что следователем выполнены не все следственные действия, направленные на установление местонахождения похищенного и установление виновных лиц. В частности:

- не установлено, в каком подразделении или силовой структуре на территории Урус-Мартановского района в период задержания Сагаев И.И., находились БТР-ы, и где во время похищения находилась каждая единица такой техники, куда и по какому поручению выезжали на ней;

- не допрошены руководители подразделений, в которых имелись БТРы, водители каждой единицы;

- не изучена документация силовых структур по регистрации выезда военной техники в период похищения;

- не допрошены руководители военной комендатуры, отдела УФСБ, ОВД района для выяснения, кому было дано разрешение на проезд по городу Урус-Мартан в ночное время в ночное время в период действия ограничения на передвижение ночью 30 августа 2002 года;

- не изъята и не проверена документация силовых структур по регистрации задержанных лиц в указанный период, не допрошены лица, ответственные за содержание людей под стражей для выяснения обстоятельств, связанных с доставлением похищенного в эти места;

- не допрошен военный комендант Урус-Мартановского района ЧР Голованов по обстоятельствам похищения Сагаева И.И., пояснивший, как следует из протокола допроса первого заявителя, что мог повлиять на судьбу задержанных родственников, а также начальник отдела УФСБ Константинов С.В., признававший, свою причастность к задержанию Сагаева И.И.

Указанные обстоятельства свидетельствуют, что требование первого заявителя о возобновлении производства предварительного следствия и проведение более полного и всестороннего расследования является обоснованным».

70. Относительно уголовного дела №61126, то суд отклонил жалобу на основании того, что первый заявитель не был признан потерпевшим по данному делу и не представил документы, подтверждающие его требования в качестве дедушки Юнади Сагаева.

71. В порядке исполнения постановления суда, 9 сентября 2005 года первый заявитель запросил в прокуратуре Урус-Мартановского района доступ к материалам уголовного дела №61121 и разрешение на снятие копий с материалов дела. Его ходатайство было отклонено. Первый заявитель вновь написал жалобу на этот отказ в городской суд Урус-Мартана.

72. 23 декабря 2005 года городской суд Урус-Мартана отклонил эту жалобу. Первый заявитель обжаловал это решение.

73. 8 февраля 2006 года Верховный Суд ЧР вновь отклонил жалобу первого заявителя. Он указал, что согласно статье 42 УПК РФ потерпевший может ознакомиться со следственными материалами, которые произведены с его участием, и только в том случае, если расследование было завершено. Так как следствие по уголовному делу №61121 продолжалось, отказ прокуратуры Урус-Мартановского района был признан законным.

2. Жалобы четвертого заявителя

74. 27 сентября 2005 года четвертый заявитель подала жалобу в городской суд Урус-Мартана на бездействие следственных органов и на отказ предоставить ей доступ к материалам уголовного дела №61126. В жалобе она утверждала, что Юнади Сагаев был похищен военнослужащими, которые прибыли на БТРах.

75. 28 октября 2005 года городской суд Урус-Мартана удовлетворил эту жалобу. В частности, было признано, что отказ сотрудников прокуратуры в ознакомлении с материалами уголовного дела не соответствовал положениям Конституции. Далее отмечалось, что в ходе расследования были допрошены первый, второй, третий и четвертый заявители, г-жа Л.С. и г-жа Р.Б. В ответ на запросы информации из Урус-Мартановского РОВД и УФСБ ответили, что они не задерживали Юнади Сагаева и не доставлялся. Аналогичные ответы были получены из военной комендатуры Урус-Мартановского района, от военного руководства в/ч 6779, из ОРБ СКОУ МВД в ЮФО, районных прокуратур и ОВД ЧР.

76. Суд также указал на ряд упущений в расследовании уголовного дела №61126, аналогичных тем, которые были указаны в постановлении суда относительно уголовного дела № 61121 от 1 августа 2005 года (см. пункт 69 выше) и постановил прокуратуре Урус-Мартановского района провести полное всестороннее расследование.

77. В порядке исполнения постановления суда, 14 ноября 2005 года четвертый заявитель запросила в прокуратуре Урус-Мартановского района доступ к материалам уголовного дела №61126 и разрешение на снятие копий с материалов дела.

78. 18 ноября 2005 года прокуратура Урус-Мартановского района отклонила этот запрос, ссылаясь на статью 42 УПК РФ, согласно которой потерпевший может ознакомиться со следственными материалами с теми следственными материалами, которые произведены с его участием.

Г. Запросы Судом материалов уголовного дела

79. Не смотря на специальные запросы Суда, Правительство не предоставило копии всех материалов уголовных дел №61121 и 61126, относительно похищений Ильяса Сагаева и Юнади Сагаева. Оно представило 90 страниц документов, включающих постановления о возбуждении, приостановлении, возобновлении расследования и о признании потерпевшими. Правительство утверждало, что предварительное следствие по делу продолжается и направление копий уголовного дела в Суд нецелесообразно в связи со статьей 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ, поскольку в деле имеются сведения, содержащие военную тайну и данные участников уголовного судопроизводства. В то же время Правительство сообщило, что возможно ознакомление делегации Суда с указанным делом на месте предварительного расследования в России, за исключением «документов, [содержащих военную тайну и личные данные свидетелей], по месту производства предварительного следствия».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

80. Обзор соответствующего национального законодательства см. в деле *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

81. Правительство утверждало, что жалоба подлежит отклонению, как неприемлемая, поскольку не исчерпаны средства правовой защиты на внутригосударственном уровне в связи с тем, что расследование уголовных дел еще не завершено.

82. Заявители оспорили это возражение. Они настаивали на том, уголовное дело было неэффективным, так как велось без значимых результатов в течение шести лет.

83. Далее Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики Суда (см. их обобщенное изложение в деле *Estamirov and Others v. Russia*, no. 60272/00, § 73-74, 12 октября 2006).

84. Суд отмечает, что заявители обратились с жалобой в правоохранительные органы сразу же после похищения своих родственников и что следствие по делу продолжается с сентября 2002 года. Мнения заявителей и Правительства в отношении эффективности следствия расходятся.

85. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, связанные с эффективностью расследования уголовного дела, и что они тесно связаны с существом жалоб заявителей, и поэтому данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

86. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственники исчезли после задержания российскими военными, и что государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

А. Доводы сторон

87. Правительство утверждало, что Ильяс и Юнади Сагаевы были похищены неустановленными вооруженными людьми. Оно также заявило, что следствие не нашло доказательств того, что эти люди были сотрудниками Государства. Оно указало, в частности, что в ходе допроса первого заявителя 2 ноября 2002 года он не сообщал, что слышал шум БТР в ходе задержания Ильяса Сагаева. И только спустя значительный промежуток времени он и другие заявители стали утверждать, что слушали шум. Что касается похищения Юнади Сагаева, четвертый заявитель показала следственным органам в ходе допроса, что похитители были одеты в камуфляжную форму и кроссовки. Кроссовки не являются частью военного обмундирования и, следовательно, военные не могли быть в кроссовках. Утверждение четвертого заявителя, что похитители связывались с их транспортными средствами по радио и сказали ей, что сына освободят, не содержалось в материалах внутреннего расследования. Более того, в ходе допросов первый и четвертый заявители и другие свидетели сообщали, что похитители ушли пешком, и не упоминали никакие транспортные средства. Камуфляжная форма и оружие могли быть использованы членами незаконных бандформирований, многие из которых владеют русским языком. Следовательно, ни один из доводов заявителей не подтверждает их заявления о возможном участии военнослужащих к похищению. Таким образом, нет оснований считать Государство ответственным за предполагаемое нарушение прав заявителей. Правительство также утверждает, что нет никаких доказательств того, что родственники заявителей мертвы.

88. Правительство утверждало, что расследование исчезновения родственников заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, равно как и были предприняты все предусмотренные национальным законодательством меры для установления исполнителей преступления.

89. По мнению заявителей, вне разумного сомнения, что мужчины, которые увели Ильяса и Юнади Сагаевых были представителями государства. Они сослались на следующие факты. Похитители говорили по-русски без акцента, что означало, что они не были чеченцами по национальности. Они прибыли на военной технике поздно ночью, что означает, что они имели право свободно передвигаться во время комендантского часа. Они вели себя так же, как при проведении спецоперации. Относительно утверждения Правительства заявители показали, что хотя в первоначальных письменных жалобах они не

упоминали шум БТР, первый заявитель сообщал об этом в ходе допроса, и Правительство не представило доказательств, опровергающих этот факт. Заявители указывали на отказ Правительства представить копию допроса, в котором четвертая заявитель сообщала о том, что похитители Юнади Сагаева были в кроссовках.

90. Заявители считали, что Ильяс и Юнади Сагаевы были задержаны представителями Государства и должны считаться умершими в отсутствие каких-либо известий о них в течение нескольких лет. Они также заявляли, что расследование не было эффективным и адекватным, как требует Статья 2 Конвенции. Они указывали на отказ властей провести такие важнейшие следственные мероприятия, как допрос свидетелей, указанных заявителями. Более того, расследование было возбуждено с опозданием в несколько дней после случившегося, что привело к промедлению в проведении основных следственных мер. Также заявители не были должным образом информированы о следственных действиях. Тот факт, что расследование велось более шести лет без каких-либо результатов, означает его неэффективность. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из отказа Правительства представить документы из материалов уголовного дела по запросу Суда.

В. Оценка Суда

2. Приемлемость

91. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого не исчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. пункт 85 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

3. Существо

(а) Заявленное нарушение права на жизнь Ильяса Сагаева и Юнади Сагаева

(i) Общие принципы

92. Суд повторяет, что в свете значения защиты, предоставляемой статьей 2, он должен подвергнуть факт лишения жизни наиболее тщательному изучению, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства. Обязанность властей отчитаться за обращение с задержанным носит особо строгий характер, если лицо умирает или исчезает после задержания (см., среди прочего *Orhan v. Turkey*, по. 25656/94, п.326, 18 июня 2002). Там, где рассматриваемые события целиком или в большей мере, находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами находящимися под их контролем при содержании под стражей, возникают серьезные

предположения о фактических обстоятельствах, имевших место в связи с повреждениями и смертью, происшедшими во время нахождения под стражей. Таким образом, можно считать, что бремя доказывания и обеспечение удовлетворительных и убедительных объяснений лежит на властях (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

(ii) Установление фактов

93. Суд ссылается на ряд выработанных им общих принципов относительно установления фактов в случае спора и, в особенности, в случае заявлений об исчезновении в контексте Статьи 2 Конвенции (краткое описание этих принципов см. в решении по делу *Bazorkina v. Russia*, №69481/01, §§103-109, от 27 июля 2006 года). Суд также отмечает, что необходимо принять во внимание поведение Сторон при сборе доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января 1978, Series A № 25, стр. 64-65, § 161).

94. Заявители утверждали, что 30 августа 2002 года и 13 сентября 2002 года члены их семьи, Ильяс Сагаев и Юнади Сагаев, были задержаны российскими военнослужащими и затем исчезли. Они призвали Суд принять во внимание тот факт, что отказ Правительства раскрыть документы подтверждает эти предположения. Они указали на то, что несколько заявителей были очевидцами этих задержаний и представили убедительные описания данных событий. Заявители приложили два свидетельских показания о соседях относительно похищения Ильяса Сагаева.

95. Правительство подтвердило, что Ильяс Сагаев и Юнади Сагаев были похищены неустановленными вооруженными людьми 30 августа и 13 сентября 2002 года. Однако оно утверждало, что военнослужащие их не задерживали. Правительство указало на отсутствие окончательных выводов внутреннего расследования и отрицало, что Государство ответственно за исчезновение родственников заявителей.

96. Суд замечает, что, несмотря на его неоднократные запросы, копии дела о похищении Ильяса и Юнади Сагаевых, Правительство отказалось представить запрашиваемые материалы, ссылаясь на Статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Суд указывает на то, что в ходе предыдущих дел он уже признал данное объяснение неудовлетворительным в качестве оправдания отказа в предоставлении ключевой информации, затребованной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-... (extracts)).

97. В свете вышеизложенного и принимая во внимание вышеупомянутые принципы, Суд считает, что он может сделать выводы из действий Правительства в этом отношении. Суд заключает, что заявители представили убедительную и последовательную картину похищения их родственников 30 августа и 13 сентября 2002 года. Он отмечает, что Правительство не отрицало, что Ильяс и Юнади Сагаевы были похищены вооруженными людьми, хотя отрицало, что это были сотрудники Государства. Правительство заявило, в частности, что камуфляжная форма и оружие могли использоваться членами незаконных бандформирований.

98. Относительно похищения Ильяса Сагаева Суд замечает, что Правительство усомнилось в показаниях заявителей о том, что они слышали

шум БТР около дома. Однако, г-н К., сосед заявителей, сообщил, что видел БТРы, двигавшиеся по улице Шерипова. Суд не находит причин сомневаться в его показаниях. В то же самое время Суд замечает, что в постановлении городского суда Урус-Мартана от 1 августа 2005 года утверждалось, что следственные органы не предприняли мер для установления принадлежности БТР-ов, задействованных в похищении. Таким образом, Суд принимает утверждения заявителей в этой связи и находит тот факт, что большая группа вооруженных людей в униформе, передвигавшихся на бронированной технике, которая не могла быть использована боевиками, свободно передвигалась в ходе комендантского часа, подтверждающим версию заявителей о том, что это были сотрудники Государства.

99. Что касается похищения Юнади Сагаева, Суд отмечает аргумент Правительства, согласно которому похитители не могли быть военнослужащими, так как четвертая заявительница сообщила следствию, что похитители были в кроссовках. Правительство также оспорило утверждение заявителей, что они слышали шум БТР недалеко от дома. Суд сообщает, что не принимает во внимание первый аргумент, так как Правительство не представило копию протокола допроса в этой связи. Относительно второго аргумента Суд находит, что нет необходимости поднимать этот отдельный вопрос, ввиду того, что большая группа вооруженных людей в униформе могла свободно передвигаться во время комендантского часа, проверяла документы так же, как сотрудники Государства, говорили на русском языке без акцента — и все это подтверждает версию заявителей о том, что похитители были государственными военнослужащими.

100. Суд считает, что в своих жалобах властям заявители постоянно указывали на то, что Ильяс и Юнади Сагаевы были задержаны неустановленными военнослужащими и просили следственные органы предпринять все возможное для их установления. Суд далее отмечает, что за шесть лет внутреннее расследование не дало никаких видимых результатов.

101. Суд считает, что в случае, когда заявителями предоставлены доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, а отсутствие необходимых документов мешает Суду дать фактическое заключение, Правительство должно убедительно аргументировать, почему документы, о которых идет речь, не могут служить подтверждением заявлений, сделанных заявителями, или предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как происходили указанные события. Бремя доказывания, таким образом, переходит к Правительству, и если оно не сможет предоставить убедительные аргументы, возникают вопросы в соответствии со Статьей 2 и/или Статьей 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 May 2005, and *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

102. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что члены их семьи были задержаны Государственными военнослужащими. Заявление Правительства, что следствие не обнаружило никаких доказательств участия в похищении войск

специального назначения, является недостаточным для того, чтобы освободить Правительство от вышеупомянутого бремени доказывания. Делая выводы из отказа Правительства представить документы, находящиеся в его исключительном владении, или предоставить иное правдоподобное объяснение событий, о которых идет речь, Суд заключает, что Ильяс Сагаев и Юнади Сагаев были задержаны сотрудниками Государства 30 августа и 13 сентября 2002 года в их домах в г. Урус-Мартан в ходе не признаваемой спецоперации.

103. Об Ильясе и Юнади Сагаевых не было никаких известий с августа и сентября 2002 года соответственно. Их имена не значатся в официальных списках задержанных. Наконец, Правительство не представило никаких объяснений того, что с ними случилось после задержания.

104. Суд, принимая во внимание рассмотренные ранее дела, предполагает, что феномен «исчезновений» хорошо известен в Чечне (см. среди прочего, *Bazorkina*, цит. выше; *Imakayeva*, цит. выше; *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-XIII; *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007; *Akhmadova and Sadulayeva*, цит. выше; и *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 июля 2007). Суд считает, что в контексте конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неуставленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Ильяса Сагаева и Юнади Сагаева или каких-либо вестей о них более шести лет подтверждают это предположение. Кроме того, Правительство отказалось представить какие-либо объяснения их исчезновению и официальное расследование, которое длилось более шести лет, не принесло значимых результатов.

105. По указанным выше причинам Суд считает установленным вне разумных сомнений, что Ильяс Сагаев и Юнади Сагаев были похищены военнослужащими 30 августа и 13 сентября 2002 года и должны быть признаны умершими после их безвестного задержания.

(iii) *Соблюдение Государством позитивного обязательства по Статье 2.*

106. Статья 2, которая охраняет право на жизнь и оговаривает обстоятельства, когда лишение жизни может быть оправдано, рассматривается как одно из самых фундаментальных положений Конвенции, которое не подлежит никакому умалению. В свете важности защиты, предоставленной Статьей 2, Суд должен подвергнуть лишение жизни самому тщательному исследованию, учитывая не только действия сотрудников государственных органов, но также и все окружающие обстоятельства (см., среди прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 сентября 1995, § 146-147, Series A no. 324, and *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 391, ECHR 2001-II).

107. Суд уже установил, что родственники заявителей должны считаться мертвыми вследствие непризнанного похищения сотрудниками Государства. При отсутствии какого-либо объяснения применению средств поражающей силы агентами Государства, предоставленного Правительством, Суд находит, что ответственность за их смерть должна быть возложена на Государство.

108. В связи с вышеозначенными обстоятельствами Суд находит, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Ильяса Сагаева и Юнади Сагаева.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

109. Суд повторяет, что обязательство Государства защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции, взятое вместе с положительным обязательством Государства в соответствии со Статьей 1 Конвенции “обеспечивать каждому в пределах [его] юрисдикции права и свободы, закрепленные в Конвенции”, также требует провести эффективное официальное расследование, по факту убийства граждан в результате силовых операций (см. *mutatis mutandis*, *McCann and Others*, процитированные выше, § 161, and *Kaya v. Turkey*, 19 February 1998, § 86, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I). Необходимая цель такого расследования состоит в том, чтобы обеспечить эффективную реализацию внутригосударственных прав, которые защищают право на жизнь и, в случаях участия сотрудников государственных спецслужб, гарантировать ответственность этих сотрудников за смертельные исходы, произошедшие по их вине. Это расследование должно быть независимым, доступным для семьи жертвы, выполнено в разумные сроки и с особой тщательностью, эффективным в смысле того, чтобы определить была ли сила, используемая в сложившейся ситуации, оправданной или незаконной, и предоставить необходимый элемент доступа общественности к материалам следствия или его результатам (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, no. 24746/94, §§ 105-09, ECHR 2001-III, and *Douglas-Williams v. the United Kingdom* (dec.), no. 56413/00, 8 января 2002).

110. Суд сразу же отмечает, что Правительством не была предоставлена большая часть материалов уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были предоставлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

111. Обращаясь к фактам дела, Суд отмечает, что уже установлено, что заявители немедленно сообщили властям о похищении обоих членов их семьи. Согласно Правительству, жалоба о похищении Ильяса Сагаева была зарегистрирована 2 сентября 2002 года, т.е. через три дня после случившегося, расследование было возбуждено 10 сентября 2002 года. Жалоба о похищении Юнади Сагаева была зарегистрирована 13 сентября 2002 года, и расследование было возбуждено 21 сентября 2002 года. Правительство указывает, что расследование по тому и другому делу было возбуждено без промедления. Суд отмечает, что копия жалобы первого заявителя в прокуратуру содержит отметку, подтверждающую получение жалобы 30 августа 2002 года. Таким образом, Суд находит, что оба расследования были возбуждены с отсрочкой в одиннадцать и восемь дней, что подрывает эффективность следствия по такому преступлению, как похищение при угрожающих жизни обстоятельствах. И этому промедлению нет объяснения в данном случае.

112. В частности, Суд принимает во внимание объем расследования, исходя из информации, представленной Правительством, и постановлений Урус-Мартановского городского суда от 1 августа и 28 октября 2005 года по жалобам первого и четвертого заявителей на бездействие сотрудников прокуратуры. Так, в ходе расследования похищения Ильяса Сагаева следователями были допрошены первый, второй, седьмой, восьмой и десятый заявители и г-н К., сосед заявителей. Они также направили запросы информации в Управления службы исполнения наказаний по Северному Кавказу. В ходе расследования похищения Юнади Сагаева были допрошены первый, второй, третий и четвертый заявители, г-жа Л.С. и г-жа Р.Б., их соседи. По двум расследованиям также были направлены запросы в районные прокуратуры и различные РОВД ЧР, ОРБ МВД и войсковую часть №6779.

113. Некоторые существенные действия были проведены с отсрочкой или не были проведены. По версии заявителей, место преступления не было осмотрено. Согласно Правительству, осмотр места происшествия имел место, но никакие улики не были обнаружены. Суд отмечает, тем не менее, что Правительство не представило протоколы осмотра места происшествия. Более того, хотя по двум делам были направлены запросы и получены ответы из Урус-Мартановского Управления ФСБ и военной комендатуры, это было сделано только после 21 марта 2005 года, то есть спустя два с половиной года после возбуждения расследования, хотя вышестоящая прокуратура выносила распоряжение о проверке утверждений заявителей, что их родственники были задержаны сотрудниками данных органов. Кроме того, до 2005 года власти отказывались предпринять действия, которые были указаны в постановлениях Урус-Мартановского городского суда от 1 августа и 28 октября 2005: (i) проверить списки задержанных в указанных период; (ii) допросить лиц, возможно причастных к похищению; (iii) допросить Г., военного коменданта Урус-Мартановского района, и К., начальника УФСБ, которые могли иметь соответствующую информацию; (iv) установить, каким органам могла принадлежать использовавшаяся бронетехника во время задержания в указанную ночь. Суд не имеет данных о том, были ли проведены данные следственные действия.

114. Очевидно, что эти следственные меры могли дать реальный результат лишь в том случае, если бы были предприняты сразу после сообщения властям о преступлении и возбуждения уголовного дела. Задержка с их производством, которой в данном случае нет объяснений, не только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, №46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

115. Суд также отмечает, что хотя двое заявителей были признаны потерпевшими по уголовному делу, их информировали только о приостановлении и возобновлении расследования и не уведомляли о других важных решениях. Это означает, что следователи отказались обеспечить должный уровень общественного контроля над расследованием или

гарантировать легитимность интересов родственников потерпевшего по делу.

116. В заключение, Суд отмечает, что оба расследования приостанавливались и возобновлялись несколько раз, и существовал длительный период бездействия, когда никакие мероприятия по делу не проводились. Не смотря на то, что вышестоящая прокуратура и суд критически оценивали ход расследования и выносили постановления о проведении необходимых действий, очевидно, эти распоряжения не были полностью проведены.

117. Суд обращает внимание, что эффективность расследования была подорвана уже на ранних стадиях отказом властей предпринять необходимые и срочные следственные мероприятия; весьма сомнительно, что какие-либо средства могли бы быть успешными в таком случае. Поэтому Суд считает, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах и отклоняет предварительное возражение, касающееся не исчерпания заявителями внутренних средств защиты с точки зрения уголовного расследования.

118. В свете вышесказанного, Суд заключает, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Ильеса и Юнади Сагаевых в нарушение Статьи 2 в ее процессуальной части.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

119. Заявители также утверждали по Статье 3, что в результате исчезновения их родственников и не проведения Государством добросовестного расследования этих событий они испытывали душевные страдания в нарушение Статьи 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Доводы сторон

120. Правительство не согласилось с этими заявлениями, так как следствием не было установлено, что заявители подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

121. Заявители повторили свои жалобы относительно перенесенных ими душевных страданий.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

122. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает,

что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

123. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особую степень и характер, отличные от эмоционального расстройства, которое можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие факторы включают крепость семейных уз, особые обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи стал свидетелем рассматриваемых событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и реакцию властей на подобные запросы. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, но скорее относится к реакции и позиции властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что сам является жертвой действий властей (см. *Orhan*, цит. выше, § 358 и *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

124. Суд отмечает, что Ильяс Сагаев приходится сыном первых двух заявителей, мужем седьмой заявительницы, братом восьмого и десятого заявителей и зятем девятого заявителя. Юнади Сагаев приходится внуком первых двух заявителей, сыном третьего и четвертого заявителей и зятем девятого заявителя. Заявители были свидетелями задержания или Ильяс Сагаева или Юнади Сагаева. В то же время, очевидно, что только первый, третий и четвертый заявители обращались с ходатайствами в различные правоохранительные органы в связи с исчезновениями их родственников. Нет подтверждений, что другие члены семьи участвовали в их розысках (см., для сравнения *Luluyev and Others*, cited above, § 112). В таком случае, принимая во внимание, что события 30 августа и 13 сентября 2002 года могли быть причиной значительного переживания для второго заявителя и заявителей с пятого по десятый, Суд, тем не менее, не может признать, что степень их душевного страдания была достаточно серьезной и достигала уровня эмоционального переживания, подпадающего под нарушение Статьи 3 Конвенции.

125. В настоящем деле Суд отмечает, что первый, третий и четвертый заявители в течение шести лет с момента похищения Ильяс Сагаева и Юнади Сагаева лично и письмами обращались в различные официальные органы с запросами о членах их семей. Несмотря на предпринятые ими усилия, заявители ни разу не получили правдоподобного объяснения или информации о том, что произошло с членом их семьи после задержания. В ответах, полученных заявителями, по большей части отрицалась ответственность Государства за исчезновение их родственника либо просто сообщалось, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

126. В свете вышеизложенного Суд считает, что первый, третий и четвертый заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения членов их семей и неспособности выяснить, что с ними произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

127. Суд, таким образом, заключает, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении первого, третьего и четвертого заявителей. Он находит, что не имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении второго заявителя и заявителей с пятого по десятый.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

128. Далее заявители утверждали, что Ильяс и Юнади Сагаевы были задержаны в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Доводы сторон

129. По мнению Правительства, нет данных, которые подтверждали бы, что Ильяс и Юнади Сагаевы были лишены свободы в нарушение гарантий статьи 5 Конвенции.

130. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

131. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 5 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

132. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, no. 25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г., и *Luliyev*, цит. выше, § 122).

133. Суд считает установленным, что Ильяса и Юнади Сагаевых задержали сотрудники Государства 30 августа и 13 сентября 2002 года. Их задержание не было признано властями, не было официальных сведений о местонахождении в период с задержания и об их дальнейшей судьбе. В соответствии с практикой Суда, сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

134. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственников задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в отношении Статьи 2, и в частности, характер ведения следствия не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по их защите от риска исчезновения.

135. Следовательно, Суд считает, что Ильяс и Юнади Сагаевы подверглись безвестному задержанию и были лишены гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является чрезвычайно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

136. Заявители утверждали, что по национальному законодательству они были лишены доступа к гражданскому суду с требованием компенсации за незаконное задержание и смерть их близкого родственника, из-за

незавершенности уголовного расследования. Они ссылались Статью 6 § 1 Конвенции, согласно которой

“Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... судом”.

А. Доводы сторон

137. Правительство оспорило эти заявления.

138. Заявители не сделали дополнительных замечаний.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

139. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Таким образом, жалоба должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

140. Суд считает, что жалобы заявителей по Статье 6 касаются по существу тех же вопросов, которые обсуждались по процессуальной части Статьи 2 и по Статье 13. Поэтому Суд решает не поднимать отдельные вопросы по Статье 6 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

141. Заявители жаловались, что 30 августа и 13 сентября 2002 года российскими военными были проведены незаконные обыски в их домах и таким образом было нарушено их право в отношении жилища, частной и семейной жизни, гарантированное Статьей 8 Конвенции, которая гласит:

Статья 8

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища...

Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.»

А. Доводы сторон

142. Правительство отрицало ответственность Государства за предполагаемые нарушения, так как следствием не было установлено, что представители Государства причастны к этому инциденту.

143. Заявители повторили свои жалобы.

А. Оценка Суда

144. Суд повторяет, что в то время как в соответствии со Статьей 35 §§ 1 Конвенции, те, кто желают обратиться с жалобой против государства в Суд, вначале обязаны использовать все предусмотренные национальной правовой системой средства правовой защиты. При этом не существует обязательства прибегать к средствам защиты, которые неадекватны или неэффективны. Если у заявителя нет доступа к средствам правовой защиты, или если он считает их неэффективными, 6-месячный срок начинает течь с момента совершения деяния, на которое подается жалоба (см. *Hazar and Others v Turkey* (dec.) no. 62566\000 et seq., January 2002). Из рассматриваемого дела не следует, что заявители надлежащим образом обращались к национальным властям с жалобами на нарушение их права на уважение жилища, частной и семейной жизни. Хотя обжалуемые события имели место 13 августа и 13 сентября 2002 года, их жалоба была подана только 21 января 2004 года. Таким образом, Суд заключает, что эта часть жалобы подана с нарушением шестимесячного срока (см. *Musayeva and Others v. Russia* (dec.), no. 74239/01, 1 June 2006; *Ruslan Umarov v. Russia* (dec.), no. 12712/02, 8 February 2007).

145. Отсюда следует, что данная часть жалобы была подана вне установленного срока и подлежит отклонению в соответствии со Статьей 35 §§ 1 and 4 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

146. Заявители жаловались, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Доводы сторон

147. Правительство возразило, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции. В своих замечаниях оно указало, что жалобы первого и четвертого заявителей относительно предполагаемого бездействия следственных органов были удовлетворены Урус-Мартановским городским судом. Заявители не подавали никаких иных жалоб, хотя им были открыты возможности подать гражданский иск в суд.

148. Заявители утверждали, что Государство отказалось провести эффективное расследование похищения и убийства членов их семьи, что подрывало эффективность всех других средств защиты.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

149. Суд повторяет, что согласно судебной практике, Статья 13 поднимается только лицами, которые признаны жертвами нарушенных прав Конвенции. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2, 3 и 5 указанную жалобу явно следует считать "потенциально достоверной" для целей Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988 г., серия А № 131, § 52). Суд также отмечает, что заявители подали жалобы по Статье 13 в связи со Статьями 2, 3 и 5 Конвенции и что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

150. Учитывая то, что жалоба по Статье 13 затрагивает существование внутригосударственных средств правовой защиты в связи со Статьей 8, Суд указывает, что данная часть жалобы на нарушения Статьи 8 Конвенции уже была признана неприемлемой (см. пункт 145 выше). Соответственно, невозможно применить Статью 13 Конвенции и данная часть жалобы должна быть отклонена в соответствии с §§ 1 и 4 Статьи 35 Конвенции.

2. Существо дела

151. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Согласно установившейся практике Суда, Статья 13 Конвенции требует, чтобы на национальном уровне имелось правовое средство, позволяющее компетентному государственному органу принять решение по сути жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение ущерба, хотя государствам и дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Однако требование о наличии такого правового средства касается только тех жалоб, которые можно считать «потенциально достоверными» по смыслу Конвенции (см. помимо прочих источников, *Halford v. the United Kingdom*, 25 June 1997, § 64, *Reports* 1997-III).

152. Относительно жалоб на отсутствие эффективных средств защиты в связи с жалобами заявителей по Статье 2, Суд напоминает, что учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и наказанию ответственных за лишение жизни и за обращение, противоречащее Статье 3, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к процессуальным действиям, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyli Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не

сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 и 57945/00, § 183, 24 февраля 2005).

153. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование по делу, возбужденному по факту насильственной смерти и исчезновения, было неэффективным, из-за чего была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, предложенный Правительством, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

154. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 в связи со статьей 2 Конвенции.

155. Касательно жалобы заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, суд признал, что первому, третьему и четвертому заявителям были причинены душевные страдания заявителей в результате исчезновения их близких родственников, неспособности выяснить, что с ними произошло и поведения властей в данном случае. Однако Суд отмечает, что он уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в сочетании со Статьей 2 Конвенции ввиду поведения властей, вызвавшего душевные страдания заявителей. Суд считает, что при данных обстоятельствах не встает отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

156. Что касается утверждений заявителей о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд повторяет, что в силу сложившейся практики, когда более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают и перекрывают собой требования Статьи 13, а также в свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5 Конвенции в результате не признаваемого властями задержания, Суд не находит оснований рассматривать отдельно вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции в обстоятельствах данного дела.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 ПРОТОКОЛА 1

157. Заявители утверждали, что Юнади Сагаев был учащимся школы в Урус-Мартане. С момента его похищения он был лишен возможности продолжить образование в нарушение Статьи 2 Протокола 1, которая гласит:

“Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям”.

158. Суд замечает, что материалы дела не показывают, что было какое-либо вмешательство в право Юнади Сагаева на образование. Нет никаких документов, демонстрирующих, что эти жалобы поднимались заявителями перед внутренними органами. Таким образом, эта жалоба должна быть отклонена в соответствии со Статьей 35 §§ 1, 3 и 4 Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

159. Статья 41 Конвенции устанавливает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

А. Возмещение материального ущерба

160. Первый, второй и седьмой заявители потребовали возмещения ущерба за потерю заработков Ильяс Сагаев, последующего после его задержания и исчезновения. Они запросили в связи с этим компенсацию в отношении первого заявителя — 76, 147.95 российских рублей (соответственно 2,212 евро), в отношении второго заявителя — 118,630.74 российских рублей (3,446 евро), в отношении седьмого заявителя — 411,105.56 российских рублей (11,942 евро).

161. Они показали, что Ильяс Сагаев был временно безработным, учитывая сложившуюся на тот момент ситуацию в Чечне. Ссылаясь на положения Гражданского Кодекса в отношении подсчета потерянного заработка, они заявили, что размер заработка безработного лица должен быть приравнен к среднему заработку лица той же квалификации, но не может быть ниже прожиточного минимума, установленного федеральным законодательством. Они заявили, что материально зависели от него и утверждали, что первый и второй заявители, родители Ильяс Сагаев, благодаря финансовой поддержке сына, получили бы доход размером в 10% от его заработка каждый. Седьмая заявительница, жена Ильяс Сагаев, благодаря финансовой поддержке мужа, получили бы доход размером в 30% от его заработка. Расчеты заявителей основаны на положениях Гражданского Кодекса и на актуарных таблицах для исчисления компенсационных выплат при травматизме и смертности от несчастных случаев, опубликованных Государственным актуарным департаментом Великобритании в 2007 году («Огденские таблицы - Ogden tables»).

162. Правительство заявило, что компенсация за материальный ущерб не может быть присуждена первому, второму и седьмому заявителям, так как не установлено, что Ильяс Сагаев мертв. Правительство также оспорило расчеты заявителей, сделанные с применением Огденских таблиц.

163. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь. Кроме того, согласно Правилу 60 Регламента Суда любое требование справедливой компенсации должно быть детализировано и представлено в письменном виде вместе с необходимыми подтверждающими документами или свидетельствами, «отклонив которые, Палата может частично или полностью отклонить требование».

164. Суд полагает, что действительно существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении членов семей заявителя потерей им финансовой поддержки, которую он могли бы ему обеспечить. Однако Суд замечает, что заявители не представили документы

о предполагаемых заработках Ильяса Сагаева. Тем не менее, Суд считает, что он может обоснованно предположить, что он со временем получил бы доход, с которого заявители получили бы финансовую поддержку. В то же время суд отмечает, что первый и второй заявители имеют других детей, способных оказать им материальную помощь. Принимая во внимание данные утверждения, Суд присуждает первому, второму и седьмому заявителям совместно 5,000 евро в качестве возмещения материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального вреда

165. Заявители с первого по седьмой требовали 80,000 евро каждому, восьмой и десятый заявители требовали 50,000 евро каждому, девятый заявитель требовал 30,000 евро в качестве компенсации морального вреда за страдания, которым они подверглись в результате потери членов их семьи, а также безразличия, проявленного властями по отношению к ним и отказа представить информацию о его судьбе в течение столь долгого времени.

166. Правительство посчитало требуемую сумму необоснованной и чрезмерной.

167. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с непризнаваемым задержанием и исчезновением родственников заявителей. Первый, третий и четвертый заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что заявителям был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Он присуждает заявителям 70,000 евро совместно, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

168. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Они также просили компенсировать административные расходы в сумме 438.23 евро, расходы за переводы в размере 619.15 евро и услуги курьерской почтовой службы в сумме 26.22 евро. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 7,344.10 евро.

169. Правительство не оспаривало подробности расчетов, предоставленных заявителями, однако указало на то, что оно имеет право возместить только те издержки и расходы, которые действительно были понесены заявителями и являлись разумными в отношении их суммы (см. *Skorobogatova v. Russia*, no. 33914/02, § 61, 1 декабря 2005). Правительство также возразило против того, что требования заявителей о компенсации были подписаны юристами, не указанными в доверенностях.

170. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *Iatridis v. Greece* (справедливая компенсация) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI).

171. Принимая во внимание детализацию представленных сведений, Суд считает указанные ставки оплаты разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей. Далее он должен установить, действительно расходы и издержки юридических представителей были необходимыми. Суд признает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Следовательно, он признает, что перечисленные расходы были необходимыми.

172. Относительно возражения Правительства, Суд отмечает, что заявителей представляла организация «Правовая инициатива». Таким образом, юристы, подписывавшие требования заявителей, являлись частью штата организации. И возражение Правительства должно быть отклонено.

173. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им требуемую сумму, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

174. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет* объединить возражения Правительства относительно неисчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;
2. *Объявляет* жалобы на нарушение Статей 2, 3, 5, и 6 Конвенции и Статьи 13 Конвенции в связи со Статьями 2, 3 и 5 Конвенции, и *объявляет* остальную часть жалобы не приемлемой;
3. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Ильяса Сагаева и Юнади Сагаева;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Ильяса Сагаева и Юнади Сагаева;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении причиненного душевного страдания первому, третьему и четвертому заявителям;

6. *Постановляет*, что не имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении второго, пятого, шестого, седьмого, восьмого, девятого и десятого заявителей;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Ильяса Сагаева и Юнади Сагаева;
8. *Постановляет*, что нет необходимости поднимать отдельный вопрос по Статье 6;
9. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;
10. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 3 и 5;
11. *Постановляет*
 - (a) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:
 - (i) 5 000 (пять тысяч) евро в возмещение материального ущерба первому, второму и седьмому заявителям совместно, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;
 - (ii) 70 000 (семьдесят тысяч) евро в возмещение морального вреда всем заявителям совместно, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;
 - (iii) 7,344.10 (семь тысяч триста сорок четыре евро и десять центов) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;
 - (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
12. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 26 февраля 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен, Секретарь Секции
Кристос Розакис, Президент